

ную «бедность» русской лирики орнаментационными приемами, — полагаем, что этому есть объяснение в указанной оторванности русской лирики от русской песни. Далее (61) говорится: «особенно характерно отсутствие эмоционального припева», что особенно подтверждает наше положение. Занимательно на стр. 71 сравнить два «кольцевых» стихотворения Фета и Полонского, где легко заметить, что облегченная нежесткая схема Фета воспринимается много легче. Несомненно, что грубоповторный Фет знаменовал собой некоторый декаданс, — недаром за ним — Мей, Налсон, Фруг. Интересно о «скрытом» кольце... Не совсем удачно то, что говорит автор о свободном стихе, примеры им взяты неудачно, — конечно, не Кузмин наш вэрлибрист. Неудачно и то, что говорится о «ритмической прозе»... сходного у стиха с прозой много, но еще больше различного: употребление длинных слов, которого избегает стих, столкновение масс неударных слогов, а главное: стих печатается короткими строчками, и за каждой такой строчкой стоит большая рифменная пауза, которой не знает проза.

В общем же нужно признать обследование Жирмунского весьма интересным и ценным. Надо надеяться, что в дальнейшем автор сможет дать обследования и более систематичные.

Сергей Бобров.

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ. Розанов. Из книги «Сюжет, как явление стиля». Из-во «Опояз» 1921 г. Петроград.

Брошюра В. Шкловского написана на модную нынче тему — это новый жанр критики, рассматривающей литературу как совокупность известных технических приемов письма. Собственно, Розанов заинтересовал автора только как создатель особой книги-дневника, книги, написанной на отдельных страничках, где попало, «как Бог на душу положит». Действительно, «Уединенные» и «Опавшие листья» после всевозможных стилизаций казались «самой душой», чем-то бесконечно, иногда излишне интимным, далеким от всякого сочини-

тельства. Все эти черты и раньше отличали В. Розанова, но в этих случайно собранных листках они выступили сильнее, осязательнее, а вместе с ними тверже запомнился сложный и противоречивый образ писателя, о котором еще много будут говорить, писать и спорить. В. Шкловский прежде всего хочет рассеять наши иллюзии: все — литература, и все может быть подведено под известное правило рисунка и композиции. В. Розанов со своими «коробами» не составляет исключения: «я постарался показать, — говорит, Шкловский, — что «три короба» Розанова — произведение литературное. Указал также на характер одной из тем, преобладающих в книге, — это тема обыденщины, гимн частной жизни. Тема эта не дана в своем чистом виде, а использована для создания контрастов (27 стр.). Пока отметим, что «тема обыденщины» в книгах Розанова — открытие не новое. В свое время, кажется, Бердяев, назвал его «гениальным обывателем», и, пожалуй, не стоило этой чертой, очевидной и явной, заниматься, а тем более заподозривать ее в смысле «создания контрастов». Дальше мы найдем утверждение, что «план бытовой сменяется планом космическим, например, тема жены сменяется темой Аписа», а общий вывод таков: «таким образом, мы видим, что «три книги» Розанова представляют из себя некоторое композиционное единство типа романов, но без связывающей части мотивировки». Мы не станем оспаривать ни этого, ни этому подобным утверждениям. Мы сомневаемся только в их необходимости, в их «научности», на которую, само собою, притягивает критика, отбросившая все личное, субъективное. Однако, мы думаем, что наука — наукой, а смесь фельетона и науки — дело не нужное. Таков стиль всей брошюры. Не стоит на ряду с новыми открытиями занимать читателя цитатами из своей метрической выписи, в роде следующей: «мне минуло 28 лет 12 января». Эту развязность дурного тона давно пора оставить. В общем образ Розанова не выступил ярче, сложнее и ближе. Нам кажется, это неизбежно в тех случаях, когда художника рассматривают технически, подводя его под известные категории или приемы ре-

месла. Впрочем, брошюра Шкловского не достаточно строга, недостаточно выдержана, чтобы отвечать, как следует, последней цели. Она оставляет двойственное впечатление ненужного педантизма и брошенного на ветер остроумия.

Н. Локс.

К. ЧУКОВСКИЙ. Жена поэта (Авдотья Яковлевна Панаева). Петербург. Изд-во «Эпоха». 1922. Стр. 37.

Автора этой работы, как он сообщает в предисловии, всегда прельщали такие книги, как «Воображаемые разговоры» Уолтера Сэвэджа Лэндера или «Воображаемые портреты» Уолтера Патера. Он и задался целью, по обрывкам, намекам, случайным упоминаниям, разбросанным в мемуарной литературе, создать «воображаемый образ» Авдотьи Яковлевны Панаевой, воскресить облик женщины, которую когда-то любил Некрасов. Надо отдать справедливость автору, нарисовал он этот портрет мастерски. В этой работе Корней Чуковский предстает перед нами не столько в роли критика или историка, сколько художника. В этом смысле разбираемая книжка должна быть, пожалуй, отнесена к литературе художественной.

Работу эту почитатели и хранители «традиций», вероятно, будут бранить. Не за стиль автора, изящный, острый и, как всегда, стремительный и живой; не за тонкость работы, которую можно было бы порекомендовать многим, но, главным образом, за то обстоятельство, что Чуковский, игнорируя установившееся в среде историков литературы правило не касаться интимных сторон жизни писателя,—этими как раз сторонами и занялся. Истории литературы и в самом деле нет никакого смысла заниматься исследованием вопроса: грешил ли Некрасов, влюблялся ли в женщин, в каких именно—и т. д. и т. д. Все это лежит вне интересов исторических. Но К. Чуковский историко-литературных задач себе и не ставил. Его заинтересовали не идеи и не смена литературных форм, а живой человек, и потому-то материал, мимо которого проходили

историки с полным равнодушием, как незаслуживающего внимания, под его пером получил значение чисто красочное: с его помощью он извлек из забвения образ женщины, в историческом смысле ничтожной, но любопытной по той роли, которую она сыграла в жизни поэта. Для личной биографии Некрасова работа Чуковского имеет, конечно, свое значение. Читается книжка с интересом—как все вообще его писания. Причиной является то, что в нем сидит большой беллетрист, и не совсем обосновательно одному из сборников своих статей он дал подзаголовок «Критические рассказы». Это в некоторой степени обезоруживает критику, направленную против «критических» писаний нашего автора: с ними трудно спорить, так как они не притязают на обязательность. Их можно или принять или отбросить. Но таланты, как и факты—великие нахалы: с ними ничего не поделаешь. Ничего не поделаешь и с Корнеем Чуковским: его «принимаешь» даже тогда, когда с ним не соглашаешься, потому что то, что он делает,—он делает мастерски и с талантом.

Вяч. Полонский.

А. Ф. КОНИ. Некрасов и Достоевский по личным воспоминаниям. Кооперат. Издат. литераторов и ученых. Петербург, 1921 г. 82 стр. 2.5.0 экз.

Столетняя годовщина со дня рождения двух великих русских людей, — поэта Н. А. Некрасова и писателя Ф. М. Достоевского, несмотря на тяжелые условия издательского дела, вызвала много литературы: критических статей, воспоминаний, биографий для широких масс и однодневных газет, типа журнала.

Книжка такого человека, как А. Ф. Кони, приковывает к себе внимание прежде всего. Во-первых, он прекрасно знал и Некрасова и Достоевского не только по литературе, рассказам современников, но и по личным встречам, которые так живо и ярко сохранились в памяти автора. Во-вторых, блестящее перо А. Ф. Кони, его теплота и задушевность, не переходящая в слащавую сентимен-